

ВЗГЛЯД НАЗАД РАДИ БУДУЩЕГО

Молодой певец — из тех, кто ни днем, ни ночью не расстается со своей гитарой и не выпустит ее из рук даже у черта в пекле, — провалился на экзамене у неумолимых воспитателей, взбунтовался, нарушил запрещающую инструкцию властей: посмотрел на чудом ожившую возлюбленную. Просто он любил ее больше всего на свете. Поэтому и отказался, как от подачки, от предложенного обмена: любовь или жизнь. Будущее стало им наградой — память людей, память искусства...

Новой постановкой «Орфея и Эвридики» Кр. В. Глюка было отмечено 40-летие «Комише опер» в Берлине. О каждом спектакле этого театра (160 опер, оперетт, мюзиклов, балетов) можно сказать: бунт против условностей и штампов, отказ от сиюминутного, поверхностного успеха, гуманизм в самом глубоком смысле этого слова, напряженный поиск сценической достоверности и актуальности. На языке всемирной славы о коллективе говорили: «Революция в музыкальном театре». А поклонники с любовью: «Чудо!».

Подводя итоги, «Комише опер» показывает на выставке, расположенной в фойе, драгоценные документы своей сценической деятельности: фотографии спектаклей, эскизы декораций, театральные костюмы, предметы бутафории и реквизита. На почетном месте лицензия на театр, выданная майором А. Дымшицем от имени советской военной администрации В. Фельзенштейну 5 июня 1947 года, и фотография, запечатлевшая этот исторический момент. Рядом — афиша первого спектакля: рождение театра в декабре того же года постановкой «Легучей мыши» И. Штрауса. Эскизы к прославленной «Кармен», «Сказкам Гофмана», получившим премию как лучший спектакль года на фестивале «Театр Наций» в Париже 1959 года.

Вальтер Фельзенштейн, ставший легендарным режиссером и руководителем театра, объявил «Комише опер» альтернативой сценической рутине, заложил основу казавшегося тогда нонсенсом «реалистического

музыкального театра». В его спектаклях оперные герои впервые обрели органическую естественность, действие — целенаправленное развитие. Ему удалось доказать на практике, что опера — это живой театр, раскрывающий глубокие человеческие конфликты, а не «костюмированный концерт». Особое значение он всегда уделял тексту: делал новые, более точные переводы. Слово в опере несет, по мнению Фельзенштейна, такую же смысловую нагрузку, как и в драме. Ради обязательного для любого театра непрерывного контакта сцены со зрительным залом в «Комише опер» никогда не исполняются оперы на иностранных языках, то есть как говорят строгие ценители чистой музыки, «на языке оригинала». Никому не приходит в голову играть в Берлине Шекспира на английском языке, почему же «Отелло» Верди надо петь по-итальянски? Тем более что в зрительные залы Берлина после образования ГДР пришел новый, демократический зритель. Фельзенштейн был неутомимым борцом в построении социалистической культуры молодого государства: «Мы должны обращаться ко всем трудящимся, — говорил он. — И не получим удовлетворения, пока не будем поняты им».

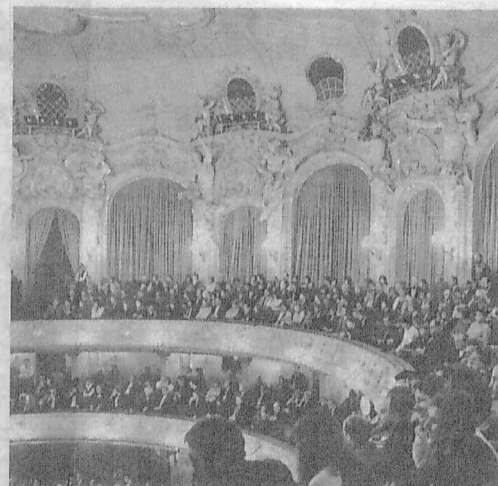
Принципы «реалистического театра» развивает и основанная в 1966 году балетная труппа «Комише опер». Постановки ее художественного руководителя Т. Шиллинга хорошо известны в СССР.

«Революция» Фельзенштейна не превратилась с годами в догму или приятное воспоминание. Пути, проложенные им, не вели в тупик повторения, а вынуждали к напряженному поиску. В постановке К. Вейля «Махагоны» руководителем «Комише опер» И. Херцем здесь впервые зазвучал текст «рационалиста» Б. Брехта, долгие годы считавшегося в искусстве антиподом эмоциональному Фельзенштейну. Новое время требовало брехтовской логики, напряженной мысли, общественного звучания. Это хорошо понимает теперешнее руководство «Комише опер» во главе с интендантом В. Раквицем. А главный режиссер Гарри Купфер не видит противоречия меж-

ду знаменитыми театральными реформаторами. «Я учился у обоих сразу, — говорит он. — Для меня в юности спектакли Брехта и Фельзенштейна были равновеликими, потрясающими событиями, заставляющими глубоко переживать и думать одновременно».

Оперные спектакли Г. Купфера, составляющие сегодня основную часть репертуара «Комише опер», производят почти шокующее впечатление. Во-первых, невероятной достоверностью, правдоподобием сценического действия, а во-вторых, остротой и современностью общего решения. Оперы Генделя, Моцарта, Мусоргского, Верди кажутся созданными сегодня. С одной стороны — захватывающее изображение человеческих страстей, постоянной борьбы самых противоположных чувств. С другой стороны — это политический театр, поднимающий важнейшие проблемы времени, апеллирующий к общественному сознанию зрителей.

Купфер обладает удивительным даром в работе с исполнителями находить жизненно сложную, глубокую правду каждого образа. В его спектаклях нет ангелов или злодеев, есть живые люди. Маленькие правды героев складываются в большую правду всего сценического действия. В работе с актерами предшествует кропотливое изучение оперы, исторической литературы. Говорят, что Купфер читает партитуру, как будто решает математическую задачу. Он точно знает, с каким аккордом или сменой ритма совпадает та или иная психологическая ситуация или поворот событий на сцене. Вместе с режиссером в этой работе участвуют дирижеры, литературные сотрудники, художники. По интенсивности и продуктивности изысканий деятельность «Комише опер» можно сравнить с работой научно-исследовательского института. Труд поистине титанический. Но каждая новая постановка — открытие как содержания, так и музыкального звучания. Изучая внимательно историю, процесс развития, театр прокладывает себе и зрителю дорогу в будущее, идет по которой может только мыслящий че-

ловек. 40 лет — это не старость, это — начало нового.

Парень с гитарой и девушка с красным цветком, запыхавшись, заняли свои места в зале, когда увертюра к опере Кр. В. Глюка уже началась. Их возбуждение (наверное, они впервые отважились на «классику»), переходит в зачарованное удивление. Неужели эта музыка двести лет назад умершего композитора о них? Но вот на сцене девушка гибнет в автомобильной катастрофе, и парень сходит с ума от горя: Орфей потерял Эвридику. Миф повторился сегодня. Глюк сделал древнее сказание созвучным своему просветительскому веку, а Г. Купфер осовременил спектакль, чтобы поставить все те же вечные, но по-прежнему жгучие вопросы: каких жертв требует верность? В каких страданиях рождается искусство? Какой болью покупается право выбора?

Бунт Орфея против бесчеловечности законов, властей, богов. Его мужество в принятии самостоятельных решений, чувство личной ответственности, показанные в контексте современности, были встречены на премьере в «Комише опер» горячими аплодисментами. Герой Глюка в кроссовках? Ну что ж, ему так будет сегодня легче идти вперед.

Л. ПОЛЕТОВА.

БЕРЛИН.